

Лада Панова

**СТИХИ О МОСКВЕ М. ЦВЕТАЕВОЙ И О. МАНДЕЛЬШТАМА:
ДВА ОБРАЗА ГОРОДА – ДВЕ ПОЭТИКИ –
ДВА ХУДОЖЕСТВЕННЫХ МИРА¹**

Сопоставление нескольких поэтических идиолектов все еще остается сложным – хотя и многообещающим – предприятием. Сложным – потому что никто еще не дал удовлетворительных ответов на целый ряд вопросов: „какими должны быть основания для сравнения поэтов и их текстов?“, „что сравнивать – темы? мотивы? лексику? грамматику?“, „как / по каким параметрам сравнивать?“ А многообещающим – потому что в случае филологически корректного сопоставительного анализа полученные данные, очевидно, будут более точными и объективными.²

Принимая во внимание неразработанность сопоставительной методики, материал для параллельного исследования мы выбрали абсолютно беспримысленный. Это лирический цикл М. Цветаевой „Стихи о Москве“ 1916 г. [далее СМ, с номером стихотворения от 1 до 9], и разрозненные стихотворения о Москве О. Мандельштама того же года – *В разногласии девического хора...* [далее ВРД], *О, этот воздух, смутой пьяный...* [далее ОЭВ] (т.е. два описания Москвы и московских соборов) и *На развалинах, уложенных соломой...* [далее НРУ] (историческая зарисовка). Творческим импульсом к написанию „московских стихотворений“ для обоих поэтов во многом послужили их московские встречи и прогулки по Москве, когда Цветаева, москвичка, „дарила“ Москву Мандельштаму, петербуржцу.

¹ Работа выполнена в рамках проекта „Поэтика как точная наука“ (Научная школа М.Л. Гаспарова) Российского фонда фундаментальных исследований.

² Другое достоинство параллельного описания идиолектов – в том, что понятийный аппарат исследователя становится более адекватным предмету описания. К примеру, поэзия поздней Цветаевой не раз называлась „экзистенциальной“ или „философской“. Но ведь эти же самые характеристики с таким же правом могут быть отнесены и к поэзии Мандельштама (что, кстати сказать, делалось, и неоднократно). При всем том мы интуитивно ощущаем, что „экзистенциализм“ или „философия“ Цветаевой не такая, как у Мандельштама. Девальвация понятий такой степени сложности очевидна. Как кажется, она стимулирует поиски более простой терминологии, которая бы помимо большей смысловой определенности выявляла бы отличия и сходства между писателями. Это как раз одна из тех задач, которую мы попытались решить в этой статье.

Поэтому эти³ стихотворения звучат как реплики одного диалога; не без оснований Дж. Таубман называет их „зашифрованным диалогом“ (ciphered conversation).⁴ Отметим в этой связи еще одно обстоятельство: биографам Цветаевой и Мандельштама удалось собрать лишь самые общие (и весьма немногочисленные) сведения об их встречах, основываясь именно на их стихотворениях 1916 года.⁵ Выбор пал на СМ Цветаевой и „московские“ стихотворения Мандельштама еще и из-за их тематической общности. Учитывая эти и некоторые другие факты, о которых речь пойдет дальше, можно смело констатировать, что ни до 1916 г., ни после 1916 г. поэзия Цветаевой и поэзия Мандельштама не сблизились до такой степени.

Общность стихотворений Цветаевой и Мандельштама не ограничивается общей топикой, т.е. описанием Москвы и московских соборов; при внимательном прочтении открываются менее очевидные тематические пересечения (например, последний путь [СМ4 и НРУ], усмирение воли и плоти [там же]), общие принципы описания (например, церкви/соборы изнутри и извне (см. Приложение, Таблица 1, §1.6), Москва через тепло, горение [там же]), мотивы (одна реалья проступает через другую [СМ 4: сквозь лицо проступает лик; ВРД: женские черты проступают в Московских соборах]), сюжетные переклички (например, перемещение по Москве, СМ 3, СМ 4 и НРУ). Лексический разбор помог нам обнаружить еще одно удивительное и неожиданное сходство – общий „строительный материал“. Повторяющиеся слова составляют 10% от общего количества лексем у Цветаевой и 20% – у Мандельштама (см. Приложение, Таблица 2); с близкими синонимами и однокоренными словами (8% и 16% соответственно) количество повторов достигает 18% у Цветаевой и 36% у Мандельштама. Интересно, что к числу повторяющихся относятся как ключевые слова (*Москва, город, церковь, Я, Мы*), так и слова, служащие вспомогательными образами (*лик, шапка*), глаголы, формирующие мотивы (*гореть, петь* и т.д.).⁶

³ К стихотворениям цикла СМ Цветаевой можно добавить некоторые другие ее „московские“ стихотворения 1916 г., а к трем стихотворениям Мандельштама, вдохновленным Цветаевой, – четвертое, „Не веря воскресенья чуду“.

⁴ См. Jane A. Taubman, *A Life through Poetry Marina Tsvetaeva's Lyric Diary*, Columbus, 1989, 75.

⁵ См. об этом подробнее в следующих работах: М. Разумовская, *Марина Цветаева: миф и действительность*, М., 1994, 99–103, А. Саакянц, *Марина Цветаева. Жизнь и творчество*, М., 1999, 81–93, В.А. Швейцер, *Быт и бытие Марины Цветаевой*, М., 1992, 155–174, Jane A. Taubman. Указ. соч., 71–87, G. Freidlin, *A Coat of Many Colors*, Berkeley, L.A., 1987, 99–123 и др.

⁶ В этой связи было бы интересно рассмотреть некоторые другие стихотворения Цветаевой и Мандельштама 1916 г. Так, у Цветаевой мы находим *Кремль, собор Благовещенский, в соборе Архангельском, с кремлевских высот*, т.е. вся топика московских стихотворений Мандельштама. В свою очередь, в четвертом стихотворении, вдохновленном Мариной Цветаевой, *Не веря воскресенья чуду*, встречаются „цветаевские“ слова – *кладбище, к Спасу бедному пришла, юродивой слободе, монашка, целую, прими*. Применительно к нашей теме это стихотворение интересно тем, что в нем „цветаевский“ слой полностью выходит на поверхность.

В этих стихотворениях даже обнаруживается более или менее общий биографический „слой“. В лирическом цикле Цветаевой, предельно насыщенном подробностями ее жизни, „мандельштамовский“ слой – весь „на поверхности“: Мандельштам – это и внутренний адресат трех стихотворений цикла (СМ 2, 3, 5), и даже их герой, ср.:

1. *Из рук моих – нерукотворный град / Прими, мой странный, мой прекрасный брат* СМ 2 (269).⁷

Другой адресат и герой СМ, о котором нельзя не упомянуть, это дочь Цветаевой, Аля, см. пример (8).

В поэтике Мандельштама действуют прямо противоположные, „внеличные“ тенденции. Оттого-то у Мандельштама „цветаевский“ слой настолько далеко запрятан, что говорить о нем стало возможным только после длительных разысканий мандельштамоведов (Л. Гинзбург, Кл. Брауна, К.Ф. Тарановского и др.). В ВРД с Цветаевой обычно связывается лейтмотив „девическое, женское“, включая сюда – *Аврору „с русским именем и в шубке меховой“*, „*брови ... высокие, дугой*“ и даже название города, *Флоренция*, как точный латинский перевод фамилии *Цветаева*. Все это, конечно, не бесспорные случаи. К бесспорным можно отнести цветаевский „ключ“ к стихотворению НРУ, предложенный Л. Гинзбург.⁸ Какое-то время это стихотворение считалось в высшей степени загадочным и непонятным. В самом деле, в I-II строфах субъект движения обозначается перволичной местоименной формой (Я, МЫ), а в III и IV строфах – третьеличной (ОН, царевич). Как только к процессу интерпретации были подключены биографические факты – Цветаева и любимый ею исторический сюжет „Марина Мнишек – Лжедмитрий“ –, совмещение Я-ОН стало объяснимым.

Стихотворения Цветаевой и Мандельштама должны рассматриваться не только в биографическом контексте, но и в культурном – 200-летнего спора между Москвой (городом сугубо русским) и Петербургом (городом европейским). Для Цветаевой, после ее поездки в Петербург и знакомства с петербургскими литературными кругами (дек. 1915 – янв. 1916), СМ – это еще и акт самовыражения, акт самооценки, и противопоставления себя Петербургу. Главный лейтмотив СМ – „*у меня в Москве*“, как в цикле „Стихи к Блоку“:

2. *У меня в Москве – купола горят! / У меня в Москве – колокола звонят!* (291).⁹

⁷ Здесь и далее цит. по Цветаева М.И. *Собрание сочинений в 7 тт.*, 1994. Т. 1.

⁸ Л. Гинзбург, „Поэтика Осипа Мандельштама“, *Известия АН СССР, серия литературы и языка*, 1972, №4, 321–322. В нашей работе мы принимаем другую интерпретацию этого стихотворения, К.Ф. Тарановского, ставшую уже классической, см. К.Ф. Taranovsky, *Essays on Mandel'shtam*, Cambridge, 1976, 115–121.

⁹ Это стихотворение входило в первоначальную редакцию СМ.

Для Мандельштама же его московские стихи – это открытие Москвы и русской культуры: Москва становится для него олицетворением русского начала и – что немаловажно – русского православия.

Итак, мы предлагаем первый опыт параллельного лингвопоэтического описания стихотворений на одну тему, основанного на статистическом анализе данных по лексике, грамматике и стилистике (см. Таблицы 1–4). Цель этого исследования – в том, чтобы от анализа языка, образов, мотивов в „московских“ стихотворениях Цветаевой и Мандельштама перейти к различиям и сходствам в их поэтиках и художественных мирах. Наблюдения наши, как правило, будут носить частный характер: это значит, что они будут касаться поэзии Цветаевой периода сборника *Версты* и поэзии Мандельштама периода *Tristia*.

Теперь мы переходим непосредственно к общим для Цветаевой и Мандельштама концептуальным областям, которые так или иначе связаны с Москвой и с фигурой говорящего. Весь собранный лексический материал приводится в Таблице 1 в форме тезауруса. В нашем описании будут приведены только некоторые статистические „выкладки“; сразу предупредим, что количество словоупотреблений в СМ Цветаевой (612) в 2 раза превышает количество словоупотреблений трех „московских“ стихотворений Мандельштама (272).

Москва

По количеству номинаций Москвы и по их разнообразию СМ Цветаевой существенно опережает „московские“ стихотворения Мандельштама, ср.: *Москва 5, град 3, город, ты 2; Московская земля, ты vs Москва 2, город* (см. §1.1). Назначение „московских“ номинаций Цветаевой, по-видимому, состоит в том, чтобы показать Москву в разных ипостасях и передать разное отношение к ней говорящего (например, дистанцию в случае *град* и ее отсутствие в случае *ты*). Как мы постараемся показать дальше, эта тенденция к многоаспектности поддерживается многообразием „московских“ тем и мотивов.

Несмотря на малое количество номинаций Москвы, в стихотворениях Мандельштама „тратится“ значительно больше „красок“ на описание Москвы, чем в СМ Цветаевой. Если у Цветаевой описание строится на основе повторяющихся словосочетаний, которые, как будет показано ниже, формируют устойчивые лейтмотивы,¹⁰ то у Мандельштама в описание Москвы вовлекается большее количество разнообразных деталей. Добавим к этому, что в количественном отношении „московская“ лексика Мандельштама

¹⁰ Тенденция к повторам проявляется в том, что 36% слов в СМ Цветаевой повторяется (при 28% повторов у Мандельштама).

(см. §1.1. –1.6.), 43%, почти что в два раза превышает соответствующую группу слов у Цветаевой, 25%.

Москва в мировой перспективе

В СМ Москва разрастается до целого Мира; верхний предел этого мира – *облака 2, синева* (в значении 'небо или воздух') и *купола 2, колокола 3*; ее нижний предел – *земля* (в значении 'почва'), *холм* (и метафорический *колокол*) (см. §1.5.). Тем не менее, *Москва* в пространстве имеет свои четкие очертания – отсюда *Московская земля* (*земля* в значении 'государство', 'владение', 'территория').

Москва в изображении Цветаевой предстает как город, Богом построенный (эпитет *нерукотворный*), богоизбранный и богохранимый (эпитеты *дивный, мирный*, §1.6.). В Пантеон высших сил, покровительствующих Москве и ее жителям, входят *Богородица* (добавим к этому то, что в СМ упоминаются Богородичные иконы и церкви, используется метафора *Иверское сердце* в значении 'Икона Иверской Божьей матери') и целитель *Пантелеймон* (см. §7.1.). Также у Цветаевой Москва охраняема *колоколами* и *колокольным звоном* (что в полной мере соответствует народным поверьям): однокоренные слова *колокол 5* и *колокольный 6* вообще самые употребительные в цикле; тем самым колокол и колокольный звон становятся атрибутами Москвы.

В СМ (и, по-видимому, и в Москве, отображенной в этом цикле) соединяются несоединимые вещи: живое и мертвое (см. §10.8.), начала и концы (см. §18.5.–18.6.), социальный верх и социальный низ (см. §10.1.), православие и язычество (см. §7.1.).

Москва – это не только город для живых, но и для мертвых, ср.:

3. *В дивном граде сем, / В мирном граде сем, / Где и мертвой мне / Будет радостно* СМ1 (с. 268).

Не случайно в связи с Я-субъектом и ее посмертным существованием упоминается топоним *Ваганьково* (кладбище) (СМ 1); кроме того, два стихотворения, СМ 4 и СМ 7 (IV строфа) содержат описание похоронного обряда, имеющего место на *улицах ... Москвы*.

Для Цветаевой, как известно, важна оппозиция „свое – чужое“. Москва, левый член этой оппозиции, однозначно осознается как свое, родное, отсюда мотив Москва – центр России (Руси), к которому стекаются *паломники* и все русские (включая Я-субъекта), ср.:

4. *Москва! Какой огромный / Странноприимный дом, / Всяк на Руси бездомный, / Мы все к тебе придем*, СМ 8 (273).

На эту же идею „работает“ метафора Москва – *странноприимный дом*, а также ассоциативные связи *Москвы* с теплом и уютом. Чужим для Цве-

таевой становится Петербург, хотя он прямо не называется, он тем не менее входит в текст через эпитет *чужеземный* (гость – о Мандельштаме) и через упоминание факта перенесения столицы из Москвы в Петербург – отсюда *город, отвергнутый Петром* (СМ 5, 271). В отличие от Мандельштама, о котором речь пойдет ниже, у Цветаевой рядом с Москвой не называются другие города, а только Подмосковье, ср.:

5. *Над синевою подмосковных роц / Накрапывает колокольный дождь. / Бредут слепцы Калужскою дорогой* СМ 6 (271).

Наконец, в СМ Москва концептуализируется как фамильное наследство автора, передаваемое в ее роду по наследству, ср.:

6. *Царевать тебе, горевать тебе, / Принимать венец, / О мой первенец! / Будет твой черед: / Тоже – дочери / Передашь Москву / С нежной горечью* СМ 1 (268).

Совсем другой образ Москвы дают стихотворения Мандельштама. Начнем с того, что с названиями Москвы (3 словоупотребления) – соседствуют названия других городов – *Флоренция*, *Рим* 2 (в последнем случае в подтексте стоит знаменитая историческая формула „Москва – третий Рим“) и *Углич*, и даже название другой страны – *итальянский* (всего 5 словоупотреблений, т.е. больше, чем собственно „московских“ номинаций, см. §2). При этом *Рим* (в одном из случаев) и *Углич* представляют собой реальные исторические города, тогда как *Флоренция* берется в отвлечении от своего географического положения, в своем эстетическом и историософском содержании. Из этого следует, что для Мандельштама Москва – лишь один из городов, который может быть определен и описан по аналогии с другими городами и культурами.

Идея нерукотворности Москвы есть также и у Мандельштама, ср.:

7а. *И с укрепленного архангелами вала / Я город озираю на чудной высоте* ВРД (109),¹¹

(при этом не исключено, что появление *архангелов* в ВРД инициировано Архангельским собором). Идея богоизбранности Москвы, возможно, тоже присутствует в „московских“ стихотворениях: в НРУ она присутствует на уровне подтекста, „Москва – третий Рим“, ср.:

7б. *Не три свечи горели, а три встречи – / Одну из них сам Бог благословил, / Четвертой не бывать, а Рим далече – / И никогда он Рима не любил* (110).

Москва в топографической перспективе

В СМ Цветаевой передается самое общее впечатление от Москвы. Что наиболее поражало в Москве нач. XX в. всех приезжих? Конечно же, обилие

¹¹ Здесь и далее цит. по Мандельштам О., *Сочинения*, М., 1990. Т. 1.

церквей, золотые купола (об этом существует множество документальных исторических свидетельств); все это мы находим и в СМ. Зрительное восприятие Москвы в СМ дополняется звуковым – колокольным звоном, который в зависимости от ситуации то ослабляется (*накрапывает колокольный дождь*, СМ 6), то усиливается (*перекатился колокольный гром*, СМ 5).

Для передачи „расхожих“ представлений в СМ Цветаевой используются два формульных выражения. Одно из них – архаическая фраза „сорок сороков церквей“ – встречается целых 4 раза и лейтмотивом проходит через СМ. Чтобы можно было почувствовать гиперболичность этой фраземы, мы приведем небольшую историческую справку: „Одним из самых заветных преданий о городе было поныне бытующее мнение, что на Москве стояло не много – не мало: сорок сороков церквей. Еще Владимир Даль в своем „Толковом словаре“ вносил поправку – на самом деле храмов было не 1600, а „только“ около тысячи, а разделены они были некогда на староства, или благочиния, именовавшиеся образно „сороками“, хотя в этих сороках число церквей составляло менее 40“.¹² Другая московская (хотя и не собственно московская) мифологема, „город на семи холмах“, также далека от реальности, однако она освящена почтенной традицией: как известно, на семи холмах возник Рим. Эта фраза используется Цветаевой трижды и даже переделывается в окказионализм *семихолмие* 2, ср.:

8. *Исходи пешком – молодым шажком! – / Все привольное / Семи-
холмие* СМ 1 (268).

В набор собственно московских топонимов в СМ, прежде всего, входят „безличные“ и неконкретизированные площади, улицы, башни, церкви, колокольни (все во мн.ч.). Множественное число здесь показательно: город подается „общим“ планом.

„Крупным“ же планом в этом цикле подаются московские святыни. Это наиболее почитаемая Часовня Иверской иконы Божьей матери в Воскресенских воротах. При этом она описывается не только извне – как часовня звездная (купол часовни – золотые звезды на синем фоне), Как золотой ларчик, Иверская горит, но и изнутри, как „приют от зол“ и как хранильница одной из самых почитаемых икон, ср.:

9а. *А вон за тою дверцей, / Куда народ валит, – / Там Иверское
сердце, / Червонное, горит* СМ 8 (273).

Другая „церковная“ номинация, Нечаянная Радости в саду, по-видимому, соответствует церкви Благовещения в Нижнем саду Кремля.¹³

¹² *Сорок сороков. Альбом-указатель всех московских церквей в 4-х тт.*, сост. С. Звонарев. Paris, 1988, в 4 тт. Т. I, 7-8.

¹³ В народе церковь Благовещения была известна более по имени находившейся в ней чтимой иконы Богоматери „нечаянная Радость“, там же, 77.

Есть в СМ еще один объект, показанный „крупным“ планом, – это *дом*, место рождения Я-субъекта. Ср.:

96. *Дом – пряник, а вокруг – плетень, / И церковки златоголовые*
СМ 7 (272).

Наиболее представительная часть Москвы, Кремль, вводится в СМ двумя сложными номинациями – это *Спасские ворота* (упомянут и обряд снимать шапки перед ними),¹⁴ и *пятисоборный несравненный круг* (последний фигурирует в тексте как подарок адресату, т.е. Мандельштаму), ср.:

10. *Пятисоборный несравненный круг / Прими, мой древний, вдохновенный друг.* СМ 2 (269).

Наконец, Ваганьково, упоминаемое единожды, вводит тему посмертного существования Я-субъекта, поддерживаемую и развиваемую другими словами.

Если судить по набору топонимов (см. §1.4.), по разнообразию пространственных предлогов (см. §3) и слов с семантикой перемещения (см. §4), Москва подается Цветаевой с „бытовой“ точки зрения, как интериоризированное пространство, полностью знакомое Я-субъекту. Если же судить по приемам описания, по образности и цветовым характеристикам, то Москва представлена по меньшей степени в трех разных ипостасях: Москва торжественная, царская (СМ 1), Москва лубочная (СМ 3, III строфа, СМ 7, II строфа), и, наконец, Москва иконописная (в основе СМ 2 лежат несколько иконописных сюжетов, заимствованных Цветаевой, – город, передаваемый из рук в руки, пример (10), и Покров Богородицы (иконографический тип – Богородица с покровом в руках, пример (156)).

В стихотворениях Мандельштама ассоциации вокруг Москвы идут в трех направлениях: православие византийского образца, эпоха Смутного времени и женское начало. В ВРД переплетаются первая и третья линии, в ОЭВ – первая и третья, в НРУ представлена только вторая.

У Мандельштама вся топографическая лексика двух первых стихотворений сводится к названиям Кремля и кремлевских соборов (см. §1.4.). Это *акрополь* (т.е. выщгород; имеется ввиду, конечно же, Кремль, расположенный на возвышенности), *высота* (в том же значении), *вал*, *площадь* (Кремля); *собор* (*московские соборы*) 4, *церковь* (мн.ч.); *Успенский* (= собор) 2, *Успенье* (в том же значении), *Архангельский*, *Благовещенский* (= собор) и *Воскресенья* (= собор). Кроме того, в ОЭВ из таких деталей, как *колокола*, *стропила* вырисовывается образ колокольни Ивана Великого, ср.:

11. *Колоколов дремучий лес, / Как бы разбойник безъязыкий / В стропилах каменных исчез* (301) (в первоначальном варианте – *Соборов*

¹⁴ Там же, 86.

восковые лики / Спят; и разбойничать привык / Без голоса Иван Великий, / Как виселица, прям и дик, с. 430).

Конечно же, набор топонимов в стихотворениях Мандельштама вполне хрестоматийен. Однако, именно он наилучшим образом репрезентирует Москву.

Отметим еще одну особенность художественной „подачи“ Москвы: при том, что Москва воплощает собой женское начало (эпитет *девический*, *Аврора в шубке меховой* в ВРД), Москву у Мандельштама все-таки представляют *собор* 4 (муж. род), а не *церковь / церковка* (жен. род). Объясняется этот факт тем, что семантика слова *собор*, как и его коннотации, отзвучают историософской мысли Мандельштама (ср. его стихотворения о соборах 1914 г., *Но в старом Кельне тоже есть собор*, с. 298, или стихотворение 1921-22, *Соборы вечные Софии и Петра*, 137): словоупотребление Мандельштама позволяет сделать вывод, что именно *собор* – символ христианской церкви.

В ВРД и ОЭВ Москва была представлена как компактное целое. Пространственное размыкание границ Москвы имеет место в третьем стихотворении, НРУ. Помимо прилагательного *огромный*, впечатление большого пространства получается при соположении в пределах одного предложения двух разнородных топонимов (теперь уже не из числа „кремлевских“), передающих начальную и конечную точку пути на костер, ср.:

12. *От Воробьевых гор до церковки знакомой / Мы ехали огромной Москвой* (110).¹⁵

Категории, с помощью которых изображаются Москва и ее достопримечательности, у Цветаевой и Мандельштама по большей части совпадают. Цветопередача, звуковые ассоциации, образные параллели, количественная оценка передают еще и чисто сенсорное восприятие Москвы, в котором участвуют зрение, слух и даже осязание (см. §1.6.).

У Мандельштама характеристики Москвы и ее архитектуры более дробные и многоплановые. Тенденция к передаче объекта со всех сторон, во всех аспектах у Мандельштама проявляется очень сильно: характеристики объектов даже напоминают пункты анкеты (см. §1.6.). Среди таких характеристик – детали соборов (*дуга*), материал (*каменный*), форма (*округленный*), цвет (*зеленый*), звучание (*петь*), внутреннее содержимое (метафорические *душа; огонь, горенье и вино*). При этом многие характеристики соотнобразуются с человеческими „мерками“: помимо того, что в „московские“ стихотворения входят названия человеческих ощущений и эмоций по отношению к соборам (*прохладно, темно*), описания соборов предполагают еще

¹⁵ В некоторых мандельштамоведческих работах к числу опознаваемых относится и *знакомая церковка*: согласно К.Р. Тарановскому, цит. соч., 117, это та же Иверская часовня, что и в СМ Цветаевой.

и „человеческие“ ассоциации и уподобления (метафорические *брови, лик, душа, ладонь*). Последние в не меньшей степени характерны и для Цветаевой, ср. метафорические *сердце, грудь* при описании Иверской часовни.

Топографическая тема у Цветаевой переходит в тему православной обрядовости, а у Мандельштама получает дальнейшее развитие в его поэтической историософии.

Москва в перспективе православной обрядовости

Религиозная лексика представлена приблизительно равным количеством словоупотреблений у Цветаевой и Мандельштама, по 7%, см. § 7.1.-7.2. В отличие от Мандельштама, у которого мало специфически православных номинаций (преобладают общехристианские) и много повторяющихся слов, в СМ Цветаевой „церковные“ номинации дают представление о русском православии в самых разных его проявлениях. Среди „религиозных“ номинаций есть слова, задающие церковную иерархию: это *Бог, Богородица, целитель Пантелеймон, Иверское* (сердце), субстантивированное прилагательное *православный* (= человек), прилагательное – *юродивый*. У Цветаевой даже встречаются названия лиц по их месту в церковной иерархии и по виду религиозного служения. Это *монашка* (мн.ч.), *поп* (оба – из числа обиходных, стилистически сниженных), а также *странник* (мн. ч.). К этим номинациям примыкает и название одной из видов религиозной деятельности – *паломничество*.

Глаголы, называющие обрядовые действия – *чтить* (церкви), *перекреститься, снять* (шапку), *петь* (Бога), *говеть* – передают обрядовую сторону православия. Этой же цели служат названия церковного календаря (т.е. время праздников и обрядов) – *пост*, метафорическая *Пасха*, (день) *Иоанна Богослова*, равно как и названия церковного распорядка дня – *обедня; (первый) звон*. Таким образом, мы можем говорить о еще одной стороне Москвы в СМ – это Москва православная.

С другой стороны, у Цветаевой есть и антипод Москвы православной, а именно Москва языческая, сектантская, тюремная, беззаконная; ср. названия лиц и названия коллектива – *знахарка, сброд*, а также прилагательные *воровской, хлыстовский* (см. социальную стратификацию в §10.1), а также *каторжные клейма*, ср.:

13. *Провожай же меня, весь московский сброд. / Юродивый, воровской, хлыстовский!* СМ 7 (272).

В „московских“ стихотворениях Мандельштама на религиозную лексику, немногочисленную, возложена иная смысловая и функциональная нагрузка. Религиозные номинации служат скорее атрибутами православия; они, кстати говоря, выдержаны в высоком архаизирующем стиле, ср.: *пра-*

вославные крюки, черница, а также архангел. О них речь пойдет в следующем разделе.

Москва в историософской перспективе

И у Мандельштама, и у Цветаевой изображенная Москва не равна Москве 1916 года: это, в сущности, не Москва реальная, а Москва идеальная, воплощающая русское начало. Некоторую связь с современностью можно видеть только в ОЭВ Мандельштама, где предреволюционная обстановка с уличными беспорядками передана как *смута*.

В СМ Цветаева добивается эффекта сгущенной, концентрированной русскости; в СМ, фактически, нет места для иноземного или чужеродного (см. подробнее раздел Москва в мировой перспективе). Мандельштам в „московских“ стихотворениях, напротив, проводит параллели между русским духом, русской стихией и другими культурами (см. § 1.3. и §2). Таким образом, можно констатировать, что Цветаева и Мандельштам расходятся в своем понимании русского начала. У Цветаевой в фокусе описания находится „только русское“, у Мандельштама же явственно наблюдается движение от русского к ино- или общекультурному и наоборот.

Общие для Цветаевой и Мандельштама „русские“ темы и мотивы, многочисленные, формируются прежде всего вокруг слов, обозначающих утварь (см. §14). Интересно, что у Цветаевой преобладают собственно русские реалии (*колокол, ларчик, печка* и т.д.), тогда как у Мандельштама к собственно русской утвари (*кувшин, печь, рогожа*) добавляется „общечеловеческая“ (*вино, хлеб*) и даже инокультурная (*амфора*). Во-вторых, русское для обоих поэтов воплощается в языке (см. §11), ср. *речь* у Цветаевой (*и от уступчивости речи русской*), и *имя* 2 у Мандельштама –

14а. *В стенах акрополя печаль меня снедала / По русском имени и русской красоте.* ВРД (109).

Нельзя не отметить еще и третье, стилистическое, совпадение. Впечатление „русскости“ создается в текстах обоих поэтов еще и чисто стилистическими средствами, см. Таблицу 3. Так, оба поэта широко пользуются историзмами. Но если в целом у Мандельштама преобладает нейтральный (и высокий) стиль и практически не представлен сниженно-разговорный, то у Цветаевой мы обнаруживаем элементы всех трех стилей. Помимо этого она использует некоторые фольклорные синтаксические конструкции (в основном, повторы). Тем самым у Цветаевой Москва торжественная сменяется Московской фольклорной и Москвой народной, в то время как у Мандельштама в каждом из трех стихотворений Москва „выдержана“ в едином стиле.

Расхождения в понимании русского начала Москвы начинаются с того, что русскость для Цветаевой периода СМ – это еще и образ жизни, поведение (от богопочитания [СМ 2, СМ 6] до разгула [СМ 3]). Показательна в этом случае та социальная иерархия лиц, которая выводится в СМ, см. §10.1., от *царя 4* и *болярыни* до *солдат, сброды, знахарки*. По-видимому, в поэтическом мире Цветаевой с Москвой коррелирует еще и идея царствования, царского венца, см. § 8, хотя она находит выражение не в исторических фактах, а в поэтической мифологии Цветаевой.

Цветопись в СМ с преобладанием интенсивного красного и золотого (о церквях / *червонный 2, багряный, золотой, златоголовый*), также подчеркивает национальную специфику Москвы: Цветаева использует цвета русских народных сказок, былин, русских икон.¹⁶

Для Мандельштама же русское воплощается прежде всего в культуре (см. §1.6.), истории (см. § 12) и эстетике (§ 20). По-видимому, в связи с тремя разбираемыми стихотворениями можно говорить о том, что Москва и притягивает своей русскостью (ВРД, ОЭВ), и отталкивает, пугает (НРУ, ОЭВ). Притяжение идет благодаря культуре, а отторжение – из-за истории: слова, описывающие явления культуры, имеют положительные коннотации (некоторые из них даже относятся к высокому стилю), тогда как исторические события – наоборот. Отрицательные коннотации, в частности, имеют „цветовые“ обозначения, ср.: на *черной площади Кремля* (ОЭВ), *черные ухабы* и *Сырая даль от птичьих стай чернела* (НРУ), эпитет *восковой* (*Соборов восковые лики*, одно из возможных пониманий – „мертвые“), а также слова, передающие восприятие – *связанные руки затекли, немеет страшно тело* (НРУ).

Русское начало в ВРД и ОЭВ символизируют *соборы*. Любопытно, что их внешний облик не всегда отвечает русской идее, ср. *Успенье нежное – Флоренция в Москве* (ВРД); зато их внутреннее содержимое, их сущность – истинно русские. Их внутренняя русскость – в передаче Мандельштама – порождается традицией и православием (перевес внешнего над внутренним – в ВРД, внутреннего над внешним – в ОЭВ). В ОЭВ соборы даже уподобляются материальным хранителям – *кувшинам, амфорам* и т.д., а их содержимое – *огню/горению и вину* (с присущей этим словам смыслом „длительный процесс“, „тепло“, „воздействие на человека“).

Отметим еще, что Москва в этих двух стихотворениях предстает как замкнутое пространство. Замкнутость порождается, в первую очередь, предложом В + Предл. пад. 10, см. §3, а также прилагательными и причастиями с семантикой замкнутости, ср. *запечатанный* (собор), *скрытый* (*повсюду скрытое горенье*), *спрятанный* (огонь) в ОЭВ. Наконец, идею

¹⁶ Подробный разбор цветковых слов см. в работе Л.В. Зубова, *Поэзия Марины Цветаевой. Лингвистический аспект*, Л., 1989.

замкнутости передают существительные *собор, амфора, кувшин* в сочетании с уже упомянутым предлогом В + Предл. пад. Тем самым русскость для Мандельштама – нечто потаенное, на что нельзя указать пальцем, но что можно лишь ощутить, почувствовать, отсюда *душа* соборов.

Удивительно, что Москва дается в стихотворениях Мандельштама через призму других культур. К 1916 году у Мандельштама уже сложился набор непреложных культурных ценностей. Это античность (Древняя Греция и Рим) и Италия эпохи Возрождения. Заметим: Москва в этот набор не попадает. Более того, при описании Москвы Мандельштам пользуется, фактически, инокультурными словами (греческим и латинским корнесловом), см. Таблицу 3. Чего, например, стоит один только *акрополь* вместо *Кремля* (ВРД) или *амфоры*, которые коррелируют с русскими *кувшинами* (ОЭВ), не говоря уже об *Авроре* (ВРД) рядом с *зарей* в СМ Цветаевой! С таким же размахом Мандельштам в ВРД и ОЭВ пользуется „заемными“ образами и мотивами.

В НРУ, напротив, представлена Москва (и – шире – Русь) историческая; как многократно отмечалось, в этом стихотворении контаминируются исторические факты эпохи Смутного времени,¹⁷ причем контаминация эта происходит за счет того, что описываются не сами факты, а их основные приметы – не убийство царевича Дмитрия в Угличе, а *Углич*, место убийства, не костер, на котором будут сжигать царевича, а всего лишь – *рыжую солому подожгли*. Русь историческая воссоздается не только с помощью „клавиатуры упоминаний“, но и через бытовые детали – утварь (*розвальни, сани, свечи*), см. §14, изображение народа (*народ, мужики, бабы, дети*), см. §10.1., изображение ритуальных и обиходных действий (*гульбище, играть в бабки*), а также через время года (русская зима).

Все описанные нами историософские явления „московских стихотворений“ Мандельштама встраиваются в господствующую на тот период модель времени. Это круговое время или так называемое „вечное возвращение“. В отличие от символистов, которые в круг повторов включали абсолютно все – события человеческой жизни, исторические события и т.д., повторения у Мандельштама затрагивают только события истории и культуры.

Какие явления культуры повторяются в его „московских“ стихотворениях? Во-первых, Флоренция отражается в Успенском соборе (ВРД). Повидимому, это оценка из области эстетики, потому что главный флорентийский собор, Санта Мария дель Фьоре, был ровесником Успенского собора (1475-1479), а Ридольфо Фиораванти (прозванный Аристотелем), болонец, был современником флорентийца Брунеллески, который возводил знаме-

¹⁷ См., например, Л. Гинзбург, указ. соч., Clarence Brown, *Mandelstam*, Cambridge, 1973, 221-226, К.Ф., Taranovsky, указ. соч.

нитый купол собора Санта Мария дель Фьоре (1294-1467).¹⁸ Во-вторых, в соборах Кремля дает о себе знать переплетение итальянской и русской культур: тот факт, что Успенский и Архангельский соборы были построены итальянцами, по-видимому, послужил основой для следующего четверостишия, ср.:

146. И пятиглавы московские соборы / С их итальянскою и русскою душой / Напоминают мне явление Авроры, / Но с русским именем и в шубке меховой (109).

В-третьих, говоря о русскости соборов, Мандельштам использует образы других культур. Это, как уже отмечалось, вино в глиняных амфорах (ОЭВ, III строфа), образ, типичный для античной цивилизации. В-четвертых, Рим (и Византия) повторены в Москве (НРУ), эта тема заявлена в примере (76), где в подтексте стоит историческая доктрина „Москва – третий Рим, а четвертому не быть“.¹⁹

Какие события истории повторяются? Это, во-первых, смута как собственно московское событие – слова *смута* и *смутьяны* в ОЭВ и описание событий после смуты в НРУ. Во-вторых, события Смутного времени (убиение царевича Дмитрия, Лжедмитрий и его казнь) повторяются с Я-субъектом. „Вечное возвращение“ объясняет еще и использование синтаксических времен в этом стихотворении – прошедшего продолженного (замедляющего повествование) (I, III и начало IV строфы), сменяемого настоящим актуально-длительным (или Praesens historicum?) (II и конец IV строфы). Смысл переключения с одного времени на другое в том, чтобы показать, как события прошлого повторяются сейчас, с Я-субъектом.

Москва в пространственной перспективе

У Цветаевой в СМ пространство (и перемещение) представлено чуть меньшим количеством примеров, чем у Мандельштама, ср. 9% (4%) VS 11 % (3%) (§3-4).

Москва в СМ – это хорошо структурированное пространство, которое задается самыми разными предлогами и наречиями, как локативными, передающими статическое расположение одних объектов относительно других (всего 21), *над* + Твор. 5, *вокруг* 3, *на* + Предл., так и директивными, передающими конечную точку перемещения (всего 22), *к* 5, *на* + Вин. 3, маршрут, *по* 5, *мимо* и т.д., см. § 3. Москва – это еще и пространство, осваи-

¹⁸ См., например, Б. Бродский, *Сокровища Москвы*, М., 1985, И.Е. Данилова, *Брунеллески и Флоренция. Творческая личность в контексте ренессансной культуры*, М., 1991.

¹⁹ Убедительная аргументация приводится в Clarence Brown, указ. соч., К.Ф., Taranovsky, указ. соч., 120. В этих же работах приводится знаменитое место из письма старца Филофея – „Два убо Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти“, которая и легла в основу разбираемого отрывка.

наемое через перемещение (см. группу глаголов перемещения в § 4 и пример [8]). В семантике глагола *исходить*, единственного нецеленаправленного глагола в СМ, даже заложена идея полного освоения пространства (в данном случае, *семихолмия*, на котором стоит Москва). В целом, в СМ явно преобладает целенаправленное перемещение; такое перемещение имеет своим конечным пунктом московские и подмосковные святыни и осуществляется оно, естественно, *пешиком*, ср.: к *Москве*, см. пример (5), к *Нечаянным Радости в саду* (ср.: *К Нечаянным Радости в саду / Я гостя чужеземного сведу* СМ [с. 269]), *внутрь Иверской часовни*, см. пример (9а), а также от *Москвы*, по *Калужской дороге* (по-видимому, в сторону монастырей?), см. пример (5). Изоморфизм между Москвой и Я-субъектом начинается уже здесь, ибо и Я-субъект становится целью движения, ср. троекратное повторение предположно-падежной конструкции *к руке*:

15а. *А издали – завяжу ли я вас? – / Потянется, растерянно крестясь, / Паломничество по дорожке черной / К моей руке, которой не отдерну, / К моей руке, с которой снят запрет, / К моей руке, которой больше нет* СМ4 (с. 270).

В СМ Цветаевой горизонтальное перемещение дополняется вертикальным, соединяющим верх (физический и нефизический) и низ. Ср.: *деревцо, возносимое* (вверх), СМ1, и *покров, который Богородица уронит* на гостя, СМ2, ср.:

15б. *И на тебя с багряных облаков / Уронит Богородица покров* СМ 2 (269).

Обобщая все сказанное, отметим, что статическое и динамическое начало в СМ полностью уравновешены и взаимодополняют друг друга, так же, как и перемещение по горизонтали дополняется перемещением по вертикали. Все эти факты еще раз убеждают нас в том, что Москва в СМ – это самостоятельный мир в Мире.

У Мандельштама, напротив, статика преобладает над динамикой: из 29 пространственных предлогов 15 – локативные и только 4 – директивные (причем последние только в НРУ, см. пример [12]). А перемещение, если и осуществляется, то преимущественно по горизонтали (путь царевича на костер и возвращение народа с гульбища [НРУ]).

Мандельштам изображает Москву как замкнутое пространство; о дополнительных историософских смыслах, которые стоят за этой замкнутостью, см. предыдущий раздел.

Москва в перспективе Я-субъекта

Как известно, поэтика Цветаевой и Мандельштама сильно различаются по эгоцентрическому параметру. У Цветаевой, в отличие от Мандельштама, Я

всегда выделено. Эти разнонаправленные тенденции нашли выражение и в „московских“ текстах обоих поэтов. Эгоцентрические элементы в СМ Цветаевой представлены 11% словоупотреблений, в то время как в стихотворениях Мандельштама их всего 4%, т.е. почти что в три раза меньше. Если же учитывать полный комплекс характеристик, связанный с Я, Ты, Мы и т.д., то у Цветаевой эта цифра достигнет 27% (напомним, что на Москву в СМ „тратится“ столько же словоупотреблений, 25%), а у Мандельштама – 10% (в четыре раза меньше, чем на Москву, 43%). Тем самым можно сделать следующий вывод: в „московских“ стихотворениях Мандельштама тематическая доминанта одна, это Москва. А в СМ Цветаевой их две – Я и Москва; именно поэтому мы утверждали в самом начале, что главный лейтмотив в СМ – *у меня в Москве* (пример [2]).

Есть и другие подтверждения тому, что линия его хорошо прочерчена в СМ, но никак не в „московских“ стихотворениях Мандельштама. Так, отсутствующий у Мандельштама внутренний адресат представлен большим количеством личных местоимений в СМ Цветаевой. На *Ты / твой, Вы / ваши* приходится 24 словоупотребления; при этом в число „адресатов“ попадают не только отдельные люди, но и классы людей (*враги, друзья; живые*), а также неживые сущности (*Москва*, см. пример (5)). Отсутствующее у Мандельштама повелительное наклонение встречается в СМ 12 раз, см. пример (13), инфинитивы в том же значении – 3 (это 10% от общего количества пропозиций, см. Таблицу 4); обращения встречаются 17 раз, см. пример (17); наконец, 4 из 9 стихотворений заканчиваются прямой речью героини. Уже по этим данным можно судить, что у Цветаевой Москва „пропускается“ через ее ego, тогда как Мандельштам описывает Москву как бы со стороны (ВРД и ОЭВ) или с позиций героя (НРУ).

В СМ Я-субъект является активным, действующим началом. Именно поэтому биография лирической героини „вписана“ в Москву. Здесь появляются почти что анкетные данные героини: Москва как место ее рождения, место ее жизни и (предполагаемое) место смерти; это город, передаваемый в ее роду по наследству (причем по женской линии). Ср. сочетаемость местоимения *Я – родиться* 2 ... *мертвой мне*, см. пример (5), *вольный сон* („смерть“) и др., §9.2. Обратим внимание и на другие характеристики – Я выполняет у Цветаевой целый ряд ритуальных действий – *надеть* (крест на грудь), *перекреститься*, роль носителя эмоционального состояния – *любить, устать, быть радостной*, ментальных действий – *думать*. Я также выполняет ряд физических действий – *отдернуть* (руку), *завидеть*, наконец, Я является субъектом перемещения – *поехать, тронуться в путь*. В СМ с Я-субъектом связаны еще и такие темы, как воля и ее ограничение (§10.6.1), свое-чужое (§10.3.).

С притяжательным местоимением *мой* соотносятся части тела героини – *рука, рот, глаза*; с помощью этого местоимения также передаются родственные и дружеские связи Я-субъекта, ср.: *мой первенец, брат, друг*; также в связи с Я-субъектом называется *вид* (*Даром что свят – вид*).

Итак, мы подошли к тому, что еще одна ипостась цветаевской Москвы – Москва биографическая. При этом прослеживается явный параллелизм между Москвой и Я. И та, и другая названы по имени (*Москва vs Марина*). Их связывает и синтаксический параллелизм – ср.: *Над городом, отвергнутым Петром, / Перекатился колокольный гром. / Гремучий опрокинулся прибой / Над женицной, отвергнутой тобой* СМ 3, (271), и образный – мотив тепла, горения (*Как золотой ларчик, / Иверская горит, Там Иверское сердце, червонное, горит vs рот разгарчив, глаза, подвижные, как пламя, жаркий сон*), цветопись (Москва в червонно-красных тонах и колокольном звоне *vs колокольный ... червонный день*, в которой родилась героиня) и т.д. Москва кроме того подвластна Я-субъекту: не случайно в СМ она описывается и как наследие лирической героини, см. пример (6), и как дар Я-субъекта чужеземному гостю, см. (1).

У Мандельштама, напротив, Я-субъект в 4 из 5 случаев предстает только как пассивный субъект восприятия. Не случайно в ВРД и ОЭВ с *Я* (и *МЫ*) согласуются глаголы эмоционального восприятия и ментальной деятельности, ср.: *снедать* (о печали) (как многократно отмечалось, в подтексте стоит *Печаль тебя снедает...* А.С. Пушкина), *чудиться, напоминать*, а также *сниться, мниться*; это глаголы передают произвольные, неконтролируемые действия или состояния, которые происходят как бы помимо воли субъекта. Ср.:

16. Не диво ль дивное, что вертоград нам снится, / Где голуби в горячей синеве ВРД (с. 109).

И только один глагол, *озирать*, вводит контролируемое целенаправленное действие, которое опять-таки направлено на восприятие и постижение города, см. пример (7).

Только в НРУ *Я* становится героем повествования; при этом он воплощает собой не активное, а пассивное, жертвенное начало: с *Я/ОН* согласуется глагол каузированного перемещения – *везти* 2 (*меня везут, царевича везут*).

Москва и Я-субъект во временной перспективе (Таблица 4)

Мы исходим из того, что событийность (и повествовательность) требует дейктических времен (т.е. соотносенных с реальной осью времени – *настоящих*, см. наст. актуально-длительное в примере [4], *прошедших*, см. прошедшее продолженное в примере [7], *будущих*, см. примеры в [17]), а

описательность – вневременных (*вневременного*, см. *Всяк на Руси бездомный* в примере [3], [96], *узуального*, см. пример [2] и т.д.).²⁰ Поскольку стихотворения о Москве с неизбежностью предполагают описательность, то мы начнем анализ с вневременности.

Описательность у Мандельштама явно преобладает над повествовательностью. На вневременные пропозиции у Мандельштама приходится 39% (что сопоставимо с дейктическими временами, 45%), а у Цветаевой – только 19%. Кроме того, целям описания и замедления повествования служат продолженные дейктические времена; они-то и преобладают у Мандельштама, но не у Цветаевой. Кроме того, действия и процессы в стадии развития явно преобладают над законченными действиями и событиями, см. 18.1-18.8. Наконец, Мандельштам использует такие глаголы, в которых собственно глагольная семантика ослаблена (*чернеть*, *просвечивать* и др., близкие к соответствующим прилагательным). Сюжетная линия ролевого Я-субъекта из 3 стихотворений Мандельштама представлена только в НРУ: передается она продолженными временами – прошедшим продолженным и настоящим актуально-длительным, ср.: *мы ехали ... меня везут ... царевича везут ... не имеет [...]* тело, ср. также- связанные руки *затекли* [перфект, передающий законченное действие и состояние в результате это действия]. Коммуникативная линия Я-субъекта у Мандельштама полностью отсутствует.

В СМ Цветаевой наблюдаются прямо противоположные тенденции. Это объясняется и тем, что описательность уступает место повествовательности, и тем, что в СМ Цветаевой сильна линия его. Сюжетную линию Я-субъектом „обслуживает“ большое количество дейктических времен – 40%; при этом количество продолженных времен в 3 раза меньше фактических. Среди фактических времен, как ни странно, перевес на стороне будущего, ср.:

17. *На ваши поцелуи, о живые, [ОБРАЩЕНИЕ] / Я ничего не возражу – впервые. [БУДУЩЕЕ ФАКТИЧЕСКОЕ] / Меня окутал с головы до пят [ПЕРФЕКТ (относительное время)] / Благообразия прекрасный плат. / Ничто меня уже не вгонит в краску [БУД. ФАКТИЧЕСКОЕ]* СМ 4 (271).

Коммуникативная линия Я-субъекта представлена императивами (10%), обращениями (17 случаев).

Вообще, для Цветаевой фактор времени, судя по количеству временных слов (6%), см. §5, дейктических времен (40%) и императивов (10%), является весьма существенным. На этом фоне видно, что у Мандельштама вре-

²⁰ См. подробнее изложение программы анализа в Панова Л.Г. „Поэтическая грамматика времени“, *Известия АН, серия литературы и языка*, 2000, № 4.

менная координата ослаблена – временные слова – 0,7%, см. §5, дейктические времена – 45%, императивов – нет, подробнее см. Таблицу 4.

В СМ Цветаевой время – линейное, текущее из прошлого в будущее; оно связано только с линией лирической героини. При этом оно вроде бы не затрагивает Москву (упоминается только одно историческое событие, связанное с Москвой, §18.1.). Весь жизненный путь лирической героини – рождение (прошедшее) – первенец – встреча с ТЫ (и все коллизии этой встречи) (настоящее) – смерть (будущее) – имеют место во времени.

Говоря о линейности времени в СМ, нельзя не упомянуть, что оно четко разбивается на три временных плана – прошлое, ср. прошедшие времена (11), настоящее, ср. настоящие (9а) и будущее – см. будущие (30). Императивы также соотносятся с моментом речи (как точкой отсчета) и настоящим-будущим (как предполагаемым временем выполнения действия).

Для Мандельштама этого периода характерен другой тип времени, „вечное возвращение“ (см. раздел „Москва в историософской перспективе“). Вечное возвращение соотносится, естественно, с историческими событиями и явлениями культуры. С другой стороны, для описания Москвы, ее соборов, и, наконец, ее сущности, Мандельштаму требуется синтаксическая вневременность.

Временные показатели являются следствием поэтики и картины мира каждого из поэтов. Поэтика Цветаевой с неизбежностью предполагает динамику, поэтика Мандельштама – и статику, и динамику. Поэтика Цветаевой ориентирована на явления (например, *Я при жизни VS Я после смерти* или три разных описания Иверской часовни), поэтика Мандельштама – на сущности (*собор* и его душа). Для описания сущностей не требуется никакого времени, а для передачи разных проявлений одной реалии время часто бывает необходимо.

Заключение

Мы имели возможность убедиться в том, что Москва Цветаевой выписана совсем не так, как Москва Мандельштама. В СМ Цветаевой Москва Цветаевой дается через множество разнородных проявлений. Она явлена и в архитектуре, и в особом – московском – укладе жизни, и в православии, и в социальной стратификации (от *царя* до *каторжных клейм*); и надо всем этим стоит Москва биографическая, „моя Москва“. Москва Мандельштама в каждом из трех стихотворений, напротив, выписана как бы в едином стиле, через наиболее репрезентирующие архитектурные сооружения (в ВРД и НРД) и исторические события (в НРУ), как монолит.

На первый взгляд может показаться, что различия в передаче Москвы – прямое следствие жизненного опыта каждого из поэтов. По биографиям

поэтов мы хорошо знаем, что для Цветаевой Москва – это город обжитой и знакомый до мельчайших подробностей (отсюда биографичность и „личные“ интонации!), Мандельштам же смотрит на Москву глазами приезжего, гостя (отсюда отстраненность и описание через наиболее репрезентирующие черты!). Однако это не так. Если рассматривать „московские“ стихотворения каждого из поэтов не отдельно от других стихотворений, а на их фоне, то сразу же открываются инвариантные схемы и элементы. Так, в *Верстах*, по наблюдениям И.Ю. Беляковой, складывается особый „московский“ текст,²¹ основанный на повторяющихся словосочетаниях, образах, мотивах. И СМ повторяет многие схемы, образы, принципы описания, которые есть в других стихотворениях этого периода. В свою очередь, „архитектурные“ и „городские“ стихотворения Мандельштама разных лет могут строиться практически на тех же самых основаниях: в них „значимые“ детали постепенно складываются в целое. Абсолютно по такой же схеме – с минимумом времени и обилием пространства, с „говорящими“ деталями написаны, например, стихотворения о Венеции (1920 г.) и о Воронеже (1937 г.).

Значит, различия в текстах Цветаевой и Мандельштама продиктованы различиями в творческом сознании поэтов и – как следствие – различиями в картине мира. Почему у Цветаевой Москва явлена во многих ипостасях? – Потому что Цветаева описывает явления. Прямым следствием того, что она мыслит явлениями, можно считать и ее поэтическую этимологию, паронимию, множество номинаций для одной реалии. Почему у Мандельштама Москва дана в историософском освещении, с минимумом сюжетных ходов и „лирических“ отклонений? Потому что Мандельштам мыслит сущностями.

Положение, которое мы взяли продемонстрировать в этой работе, в сущности, не ново: у больших поэтов одна и та же реальность „преломляется“ по-разному в их сознании и „пропускается“ через их внутренний мир; концептуально она соотнобразится с их стилем, облекается в словесную форму и в привычные для них грамматические конструкции. Мы же только постарались научно доказать это положение и объективировать сходства и различия с помощью статистики.

²¹ См. И.Ю. Белякова, „Лексико-семантические изменения в слове М. Цветаевой в конце 10-х гг.“, *Борисоглебье Марины Цветаевой*. Сб. Докладов, Дом-музей М. Цветаевой. М., 1999, 150. К этому необходимо добавить, что СМ не выбивается ни по своим образам, ни по своему языку из стихотворений периода *Верст* 1, см. подробнее об этом периоде О.Г. Реззина, „Марина Цветаева“, *Очерки истории языка русской поэзии XX века. Опыты описания идиостиля*, М., 1995, 311-314.

Приложение

Таблица 1.

Учитывая весь накопленный опыт по составлению частотных тезаурусов (особенно Гаспаров 1988),²² мы решили объединить в одной таблице два типа тезаурусов, формальный (когда рубрикация соответствует самым общим делениям языкового тезауруса) и функциональный (когда учитываются, во-первых, коммуникативная составляющая текстов (Я-ТЫ), во-вторых, субъектно-объектные отношения (т.е. мотивы) и, в-третьих, основные тематические составляющие).

Мы постарались отразить многомерность слова в поэтическом тексте, поэтому многие слова попадают в несколько рубрик. Мы добавили к существительным, которые обычно становятся материалом поэтических тезаурусов, все остальные части речи, – глаголы, прилагательные, наречия и даже предлоги (естественно, только те, которые поддаются однозначной классификации). К сожалению, нам пришлось оставить без внимания некоторые текстовые коннекторы (такие, как *а, но*).

Условные обозначения:

~ – слово употреблено как вспомогательный образ тропа.

Pl. – мн.ч. существительного,

Sing. – ед.ч.

Полужирным шрифтом выделены общие слова в стихотворениях Цветаевой и Мандельштама.

Цветаева – 612 словоупотреблений, 393 лексемы (64% от общего количества)	Мандельштам – 272 словоупотребления, 197 лексем (72% от общего количества)
§1.1. МОСКВА	
с рубрикой ПРОСТРАНСТВО (29) – 155 словоупотреблений (25%)	с рубрикой ПРОСТРАНСТВО (19) – 118 словоупотреблений (43%)
17: Москва 5, град 3, город , ты 2, см. <i>ТЫ</i> -5; земля (территория + поверхность'), ты, см. <i>ТЫ</i> -6; московский (земля 2, сброд) 3; мы (жители Москвы'), см. <i>МЫ</i> -3	4: Москва 2, город ; московский (соборы)
§1.2. Прилегающие к Москве территории	
10: подмосковный (рощи); Калужская (дорога) 3, она; дорога 3, поле (Pl.), роща (Pl.)	
§1.3. Русское государство; национальность	
3: Русь, русский (речь); мы (русские'), см. <i>МЫ</i> (2)	5: русский (имя 2, красота, душа, ~ вино) 5
§1.4. Московская топография	
22: [общие топографические деления] холм, семихолмие 2; площадь (Pl.), улица (Pl.); багша (Pl.); церковь (Pl.) 2, они; церковка (Pl. и Sing.) 2, колокольня (Pl.); дорожка; двор, дом, плетень { Кремль } пятисоборный (круг – в зн. Соборы Кремля); Спасские ворота	26: [общие топографические деления] улица (Pl.), вертоград ('сад'), ворота [Кремль] Кремль, акрополь ('Кремль'), высота ('Кремль'); вал; стена (Pl.); площадь (Кремля); собор (Pl.) 3, (Sing.) 1, их; церковь (Pl.); Успенский (= собор) 2, Успенье (= собор); Архангельский (= собор), Благовещенский (= собор), Воскресенья (= собор); <колокольня Ивана Великого> колокол (Pl.), стропила

²² М.Л. Гаспаров, „Художественный мир писателя: тезаурус формальный и тезаурус функциональный“, *Проблемы структурной лингвистики*, 1984, М., 1988.

[Красная площадь] Иверская (в зн. Иверская часовня), часовня (звездная – в зн. Иверская часовня) [другие московские топонимы] Ваганьково (= кладбище), Нечаянный радости в саду	[другие московские топонимы] Воробьевы горы; церковка, часовня
§1.5. Элементы московского пейзажа	
б: синева ('небо и/или воздух'), облако (Pl.) 2 VS холм, ~ колокол (Pl.) (на семи колоколах); земля (в значении 'почва' – колокольная московская)	б: синева ('небо'), воздух; тополь (Pl.); ухаб (Pl.); даль, сырая (даль);
§1.6. Характеристики архитектурных сооружений и элементов пейзажа	
б8: [чудо] чудный (град), дивный (град); нерукотворный (град) [внутреннее состояние, порядок] мирный [пространственные характеристики] привольный (семихолмие) [часть церкви] купол 2; колокол (Pl.) 3, они [цвет] червоный (купола, сердце) 2, багряный (облака), золотой (~ларчик), златоголовый (церковки), гореть (об Иверской часовне и иконе в ней) 2, возблестать (о куполах); синева (подмосковных роц), смуглый (поля); черный (дорожка) [форма] круг (пятисоборный несравненный круг) [количество] сорок сороков 4 (церквей, колоколен); семь (холмов, ~колоколов) 2 3, семихолмие 2; пятисоборный; сотня (Pl.) колоколов [полнота охвата] весь (Москва, семихолмие, 2) 3 [звуки] звон (колокольный, первый) 2, ~колокольный (земля), рев 2 (солдат); аллилуйя [образные ассоциации] [с рукотворными вещами] ~ларчик, ~колокол 2 [с человеком] ~сердце (Иверское сердце); ~грудь (Я в грудь тебя целую, Московская земля); ~смуглый (поля); ~смеяться (над), ~спорить	58: [чудо] чудный (высота); диво дивное; дивно (округленный – Успенский собор); райский (двусм.) [пространственные характеристики] огромный (Москва); повсюду [часть церкви, собора] пятиглавый (собор), дуга (Pl.) 2, колокол (Pl.), ~ стропила [ощущение] нежный 3 (церкви, Успенье, ~амфоры); прохладно (в соборах); пахнуть (о тополях); тревожно [зрительное восприятие] темно (в соборах); просвечивать (как ладонь), ~восковой (лики собора) (двусм.) [цвет] черный (на черной площади Кремля, ухабы) 2; чернеть (о дали); зеленый (Благовещенский собор) [материал] каменный (дуги собора, стропила) 2; ~глиняный (~кувшины); меховой (шубка) [форма] дуга (Pl. и Sing.) 3, округленный (Успенский собор), пятиглавый (московские соборы) [полнота охвата] все (церкви нежные), весь [звуки] хор, разноголосица, голос, петь 2; vs. ~безязыкий (разбойник) [образные ассоциации] [с городами] Флоренция (Успенье нежное – Флоренция в Москве) [с природой] дремучий лес (колоколов) [с рукотворными вещами] запечатанный (собор); ~амфора, вино [с живыми существами – голуби] заворковать; [с человеком, с женщиной – о соборах] ~девический (хор); брови, ~лик; ~душа, ~ладонь

[с человеческими институтами, домом] ~странноприимный дом (о Москве), приют (от зол) (об Иверской часовне) [обладание чем-л.] с (Спаские с цветами ворот а) [отличительные приметы] звездный (часовня) [атрибуты] колокольный (звон, гром, дождь, семихолмие, земля) 5 [состояние и превосходство] первенство Москвы, неоспоримый (кр.ф.); несравненный (круг); спорить (о колоколах); ~смеяться (над гордынею царей); высокий (ср. ст. – выше вас, цари, колокола) [временные характеристики] ночной (башни); старый (Калужская дорога) [действия X-a] мчать (нас – о площадях), смеяться (над гордынею царей) [действия в отношении X-a] передать (Москву), принять (град, пятисоборный ... круг) 2, отвергнуть (город)	[состояние] укрепленный (вал); ~удивление (райских дуг) [обладание чем-л.] с (душой, именем) 2, свой (голос) [горение] горячий (синева), (скрытое) горение (о соборах), ~огонь (спрятанный в кувшинах – о соборах)
§2. [вс.] названия другие города, земли, государства 1: чужеземный (гость)	5: Флоренция, Рим 2; итальянский; Углич
§3. ПРОСТРАНСТВО	
54 (9%): [локативные элементы – 21] в + Предл. 4, над(о) + Твор. 5, вокруг 3, где 3, на + Предл. 3, за + Твор. 2, там [директивные элементы – 22] к + Дат. 5, по + Дат. 5, на + Вин. 3, с + Род. 2, из + Род. 2, в + Вин, мимо + Род., сквозь + Род., выше + Род, куда [протяженность в пространстве] издали, издалека-далече; соседний; привольный, огромный [пространство вокруг говорящего или героя] вон, тот [пространство, занятое чем-либо или покрытое чем-либо] окутать (с головы до пят), с + Род. ... до + Род.	31 (11%): [локативные элементы – 20] [среди них ~ внутри – 13] в + Предл. (синева, Углич, стенах Акрополя, часовне, соборах, стропилах) 10; запечатанный, скрытый, спрятанный на + Предл. (площади, высоте) 2; с + Род. (вала); у + Род. (порот); где 2, повсюду; [директивные элементы – 4] в + Вин., от + Род. ... до + Род., по + Дат. (улицам) [протяженность в пространстве] далече; огромный; высокий [пространство вокруг говорящего или героя] этот; знакомый (церковка) [пространство, занятое чем-либо или покрытое чем-либо] уложенный, прикрытый
§4. ПЕРЕМЕЩЕНИЕ	
23 (4%): подвижный (глаза); отдернуть (руку) [горизонтальное перемещение] [способ перемещения] пешком, шажок [глаголы горизонтального перемещения] исходить, свести, мчать, поехать, тронуться (в путь), побрести, брести, отстать,	8 (3%): [горизонтальное перемещение] [средство перемещения] сани, розвальни; на + Предл. (розвальнях) [глаголы перемещения] ехать, везти 2, возвращаться

потянуться (к чему-либо), прийти, валить (куда народ валит) [маршрут] путь, дорога, дорожка [вертикальное перемещение] падать (о листьях), уронить (покрыв, о Богородице), снять (шапку) VS. возносить (бремя), встать. с.м. также Пространство, [директивные элементы]	[горизонтально-вертикальное перемещение] нырять (в ухабы) с.м. также Пространство, [директивные элементы]
§5. ВРЕМЯ	
с рубриками Церковный календарь (7), Начало (10), Конец (6) – 43 (7%)	с рубрикой Начало (1) – 2 (0.7%)
20: день 3, нонче, сегодня, пока, отныне, доныне, в 2, субботний; ночь, ночной; настать; уже; ранний (зори); старый (Калужская дорога), древний (друг); больше (нет); новопреставленный (только что)	1: никогда
§6. Пространство-время	
5: к, в + Предл.; обедня; ночь; тьма	2: с + Род.; гульбище
§7.1. ПРАВОСЛАВИЕ, обряды	
с рубрикой Московская топография (10) – 40 словоупотреблений (7 %)	с рубрикой Московская топография (13) – 20 словоупотреблений (7%)
23: Бог, Богородица, Пантелеймон, целитель; Иверское (сердце); смиренный, святой (~Пасха, вид), иородивый (сброд), православный (= человек) vs. хлыстовский (сброд); чтить (церкви), перекреститься, креститься (растерянно крестясь), снять (шапка ... снята), петь (Боги), говеть; аллилуйя; покров (Богородицы, двусм.), крест; паломничество, странник (Pl.); монашка (Pl.), пои	7: Бог, архангел (Pl.); благословить православный (православные крюки) крюки (православные) черница райский (двусм.) (дуги)
§7.2. Церковный календарь	
7: пост, ~Пасха, (день) Иоанна Богослова, колокольный (день), червоный (день); обедня; (первый) звон	
§8. ЦАРСТВОВАНИЕ	
11: венец, царь (Sing.) 2, (Pl.) 2, Петр 2; царевать, отцарствовать; венец; болярня	1: царевич
§9.1. СФЕРА ГОВОРЯЩЕГО	
70 словоупотреблений (11%), с дополнительными характеристиками – 163 (27%)	10 словоупотреблений (4%), с дополнительными характеристиками – 26 (10%)
13: о 3, ох 3, хвала (X-у); вон, тот; вокруг 2; сей 2 (?)	1: этот (?)
§9.2. Я / МЫ как лирические герои	
28: Я 16, мой 11; мы 1 1) Я [как лирический герой стихотворения] 16, [идентификация] женщина, (действия Я-субъекта) родиться 2; удостоиться (пося благобразия); отдернуть (руку), любить (первый звон), целовать (Московскую	6: Я 5, мы 1) Я 3, [как субъект восприятия] снедать (о печали); чудиться (мне чудится), напоминать (напоминают мне). 2) Я [как лирический герой стихотворения] озирать; [местоположение] на чудной высоте; в (стенах Акрополя).

землю); думать, возражать; хотеть; надеть (крест на грудь), перекреститься, свести (гостя к церкви); завидеть; устать; поскать, тронуться в путь; ~возносить (бремя, дерево); [действия в отношении Я-субъекта] поцелуй (Р.), отвергнуть, [состояния Я-субъекта] быть радостной; мертвый (Где и мертвой мне / Будет радостно); сон (в зн. 'смерть'); мой 11 (руки, рука, рот, глаза; первенец, брат, друг; дерево); вид. См. также ОН/ОНА. 1) мы [ты и я'], [действия в отношении Мы] мчать (Площадь нас мчат).	3) Я [как роль], [действия в отношении Я-субъекта] везти, см. также ОН. 1) мы [ты и я'], [действия Мы] ехать.
§9.3. МЫ как представители класса	
2: мы 2 2) мы [русские'], [характеристики] все; [действия] прийти (к Москве); 3) мы [жители Москвы'], [характеристики] есть ('обладание') (Младенец Пантелеймон / Унас, целитель, есть);	1: мы 2) мы [люди'], [действия, происходящие с X-ом] сниться (вертоград нам снится)
§9.4. ТЫ / ВЫ	
24: ты 16, твой, вы (обращение к 1 лицу); вы 5, ваш 1) ты (→ дочь Аля) 4, [характеристики] первенец, бремя (лучшее), дерево (невесомое), [действия] царевать, принимать (венец), передать (Москву); чтить (церкви), (не) сурьмить (бровей); горевать, горечь; твой (черед), черед. 2) ты 7/ вы (→ Мандельштам), [характеристики] гость (чужеземный); брат (странный, прекрасный); друг (древний, вдохновенный); царь, [действия] принять 2 (Москву, соборы); любить (меня), (не) раскаться, что (ты меня любил), отвергнуть женщину, т.е. меня; встать; приковчить (озорство); озорство; засветить (свечу), [действия в отношении X-а] уронить покров на X-а (о Богородице), быть с X-ом ('случиться'); хвала X-у, [состояния] исполнен (сил); силы (дивные). 3) [идентификация] любовь (→ Мандельштам ?, обобщенный образ?), [действия] целовать. 4) [идентификация] сердце, [характеристики] громкое, [действия] стучать. 5) ты 2, [идентификация] Москва, [действия X-а] позвать, [действия в отношении X-а] передать. 6) ты, [идентификация] Московская земля, [наличие] ~ грудь, [действия в отношении X-а] целовать (в грудь). 7) ты, [идентификация] пояс, [характеристики] прекрасный; соотношения X-а с др. реалиями (пояс)	

благобразия, [действия в отношении X-а] удостоиться X-а. 8) [идентификация] поп, [действия] позаткни (мне рот). 1) вы 2, [идентификация] враги, друзья, [действия в отношении X-а] устать от X-а (устав от вас, враги, от вас, друзья). 2) вы 2, [идентификация] живые, [действия], побрести; поцелуй (Pl.), [действия в отношении X-а] завидеть X; ващ (поцелуй). 3) вы, [идентификация] цари (Петр и петербуржец Манделштам), [соотношение с другими реалиями] высокий (выше вас, цари, колокола). 4) [идентификация] весь московский сброд, [действия] провожать (меня).	
§9.5. ОН / ОНА (← Я)	
3: [идентификация] боярыня Марина, [состояние] новопреставленный; (ничего не) надобно, см. также Я-1.	2: он, [характеристики] царевич, [обладание] руки (+ состояние – связанный, затечь); тело (+ состояние – неметь), [действия] (не) любить (Рима); [действия в отношении] везти; [состояние] без (шапки).
§10. ЧЕЛОВЕК И ЕГО МИР	
137 словоупотреблений (23%)	45 словоупотреблений (17%)
§10.1. Человек, люди	
29: [социальная иерархия] царь 4, боярыня vs. народ, солдат (Pl.), сброд [по роду деятельности] поп, монашка (Pl.); знахарка, юродивый, воровской, хлыстовский, каторжный, клеймо (Sing. и Pl.) 2 [по возрастному признаку] младенец, первенец; молодой (шажок, солдаты) 2 [родственные и дружеские отношения] дочь, брат; гость, друг (Sing. и Pl.) 2 VS враг (Pl.) [по половому признаку] женщина [по какому-либо отличительному признаку] слепец (Pl.)	9: [социальная иерархия] царевич vs. народ, мужики, бабы [по роду деятельности] ~разбойник, смутьян (Pl.); черница [по возрастному признаку] дети [по половому и возрастному признаку] ~девический (хор соборов)
§10.2. Человек, отделенный	
3: странный (брат); одинокий (сон); ~странноприимный дом	отличный от других людей
§10.3. Свой – чужой	
2: чужой, чужеземный	
§10.4. Внешний вид, части человеческого тела, душа, внутренние органы	
25: вид, ~смуглый (поля); голова 1, лицо, лик; бровь (Pl.), рот 2, глаз (Pl.); рука (Pl.) 2, (Sing.) 3, который 3; плечо (Pl.); грудь, ~грудь; пятя (Pl.); сердце, ~сердце, кровь	7: худой (мужики); тело; ~лик; ~бровь (Pl.); рука (Pl.), ~ладонь; ~душа
§10.5.1. Физические действия и деятельность	
24: отдернуть (руку), надеть (крест), снять (где шапка ... снята); встать; прийти, отстать, валить (куда народ валит), провожать, брести; грызть (кисть рябины); (не)	6: поджечь (солому), играть (в бабки), бабки, переминаясь, везти 2

сурмить (бровей); позаткнуть (рот); родиться 2; принимать (венц), принять (Москву) 2, передать (Москву); удостоиться (пояса благооорвизия); ~позвать (о Москве), рев (солдат); царевать, говеть, креститься (растерянно крестьясь), перекреститься	
§10.5.2. Ментальные и психические действия	
3: чтить (церкви), возносить (дерево), думать	
§10.5.3. Восприятие	
2: [зрительное] завидеть [тактильное] ~нащупать (и двойника нащупавший двойник)	5: [ментальное] чудиться, мниться, напоминать; сниться; [зрительное] озирать
§10.5.4. Воздействие на органы чувств и его результат	
2: [на вкус] горький (кисть рябины) [на внешний вид] вогнать в краску	3: [на эмоциональное состояние] снестать (о печали) [на обоняние] пахнуть (о тополях, о хлебе) 2
§10.5.5. Ощущения, эмоции и их выражение	
13: радостный, Нечаянный Радости vs. горевать, горечь; нежный (горечь); страшный (рев); печальный; любить 3, целовать, поцелуй (Pl.); (не) раскаться (в том, что р)	6: печаль, ~удивленье; (не) любить; прохладно, темно, тревожно
§10.5.6. Поведение, характер	
4: озорство; гордыня (царей) vs. растерянно; тихо	1: злой (бабы)
§10.5.7. Физическое психическое состояние	
3: устать (от X-а) VS исполненный; сила (Pl.) (исполнен дивных сил)	3: ~пьяный, затечь (о руках), неметь (о теле)
§10.6.1. Воля	
7: себялюбивый (сон), вольный (сон), хотеть, хотеться; дерзкий (кровь); возразить; (не) надобно	
§10.6.2. Закон (юридический, нравственный), общественный порядок	
6: запрет, снять (снят запрет); разрешить (разрешен ... сон); клеймо (Sing. и Pl.) 2, воровской (сброд)	3: смута, смутьяны, качать „мир“
§10.7. Преемственность, наследование	
4: черед, дочь; принимать (венц); передать (Москву)	
§10.8. Живое vs. мертвое	
10: живой (субстант., Pl.) VS. мертвый (мертвой мне), новопреставленный; ~легкий (лицо); ~ сон („смерть“) 2; [погребальный обряд] гроб; плат (благообразия); пояс (благообразия); ком (первый)	1: ~восковой (?) (лик соборов)
§10.9. Судьба, предназначение	
[синтаксические конструкции] X (Дат.) – Y (Мне же – вольный сон)	1: роковой (рогожа) [инфинитивные синтаксические конструкции] Четвертой не бывать
§11. ЯЗЫК, РЕЧЬ, ИМЯ	
9: имя (Pl.), речь; Петр 2, Марина; хвала; говорить, возразить, позвать	2: имя 2

§12. ИСТОРИЯ	
5: см. <i>Исторические события</i> (1) Петр 2, царь	9: см. <i>Исторические события</i> (8) царевич
§13. ОДЕЖДА	
4: шапка, ~пояс, плат, голенища	3: шубка, <i>характеристики</i> меховая; шапка
§14. УТВАРЬ	
22 (4%): купол 2; колокол 5, они; колокольный 6; свеча; ~ларчик; нож, печка; ~ пряник; пятак (Pl.); гроб; крышка	14 (5%): колокол, ~амфора (Pl.), ~кувшин, печь, свеча 2 (Pl.), ворота, рогожа, ~ вино, хлеб, солома 2; сани, розвальни
§15. ДОМ	
8: ~ странноприимный дом, приют (от зол); дом, ~ пряник (о доме); плетень, дверца, пол vs. бездомный	
§16.1. ПРИРОДА	
14 словоупотреблений (2%)	4 словоупотребления (1%)
8: [деревья] ~дерево, рябина 2; листья, цветы, кисть 2 (рябины); падать (о листьях); роца (Pl.) земля, ком	3: [деревья] тополь (Pl.); ~дремучий, ~лес
§16.2. Природные явления	
6: зоря (Pl.), ранний; ~гром, ~ прибой, ~ дождь; ~ литься (льется аллилуйя)	1: Аврора
§17. МАТЕРИАЛЬНОЕ, ЦВЕТОВОЕ, ЗВУКОВОЕ И ПРОЧ. „ОФОРМЛЕНИЕ“ ПРЕДМЕТНОГО МИРА	
48 словоупотреблений (8%)	26 словоупотреблений (10%)
§17.1. МАТЕРИАЛ	
1: серебряный (крест)	4: см. <i>Характеристики архитектурных сооружений и элементов пейзажа, [материал]</i>
§17.2. ФОРМА	
4: круг, кисть 2 (рябины); узкий	5: дуга (Pl. 2 и Sing.) 3 (соборов); округленный (Успенский +собор); пятиглавый (московские соборы)
§17.3. ТЯЖЕСТЬ VS ее отсутствие	
2: бремя vs. невесомый (дерево)	
§17.4. ЦВЕТ	
17: червонный (купол, ~сердце, день) 3, красный (кисть рябины), багряный (облака); черный (дорожка); золотой (ларчик), златоголовый (церковь), возблестать (о куполах), гореть (Иверская, Иверское седце) 2, зажечься (о рябине); (вогнать в) краску; разгарчивый (рот); синева (рощ); ~смуглый (поле); сурьмить (брови)	5: см. <i>Характеристики архитектурных сооружений и элементов пейзажа, [цвет]</i> (4); рыжий (солома)
§17.5. ЗВУКИ	
16: звон (колокольный, первый) 2, рез 2 (солдат); грянуть; гремучий (прибой); гремять (о сердце, колоколах) 2, взгремять (о колоколах), громкий (сердце); гром; прибой, вой (в печке); песенный (песенная дорога); петь (Бога); позвать (о Москве)	6: см. <i>Характеристики архитектурных сооружений и элементов пейзажа, [звук]</i>
§17.6. ГОРЕНИЕ, ТЕПЛО	
8: гореть 2, жаркий (кисть рябины); ~пламя (о глазах), ~разгарчивый (рот) vs. отгореть (о глазах); остудить (о глазах) / жаркий (сон)	6: поджечь (солому); ~огонь; ~горенье; гореть (о свечах); теплиться (о свечах) / горячий (синева)

§18. СОБЫТИЯ, ДЕЙСТВИЯ, ПРОЦЕССЫ, СОСТОЯНИЯ	
91 словоупотребления (15%)	38 словоупотреблений (14%)
§18.1. Исторические события	
1: отвергнутый (Петром – о Москве)	8: „мир“, [характеристики] шаткий [действия в отношении X-а] качать; смуга; встреча (мн.ч.) <три встречи>, они, одна, четвертая <встреча>
§18.2. Наступление события	
5: наступить, быть 2 [с кем происходит событие] с + Твор., у + Род.	3: (не) бывать; явление („появление“) (Авроры) [неожиданное] вдруг
§18.3. Законченные действия	
29: принимать, принять 2: передать; позаткнуть (рот); уронить (покров); отдернуть (руку); окутать (меня ... с головы до пят); вогнать (в краску); надеть (крест на грудь); перекреститься; позвать; проступить; ~перекатиться; опрокинуться; снять (снять запрет); разрешить (разрешен ... сон); родиться 2; удостоиться (пояса благообразия); встать; прийти; отстать; завидеть; (не) раяскаяться; возразить; поцелуй 2 <i>см. также Начало (6), Конец (4)</i>	2: поджечь (солому); исчезнуть; <i>см. также Исторические события (8), Начало (1)</i>
§18.4. Действия, деятельности, процессы в стадии развития	
29: грызть, мчаты; (не) сурьмить бровей, читать (церкви), смывать 2 (имена); любить 3, целовать; валить, возносить; цареваты: говеть, думать, говорить; провожать, хотеть, хотеться; брести, падать, креститься, ~смеяться, ~спорить; греметь 2, ~накрапывать, ~литься; рев 2, вой; радостный (будет радостно)	15: снедать (о печали), чудиться, сниться, озирать; качать („мир“), пахнуть (о тополях), ~играть (о вине), мниться; ~просвечивать (о событиях), играть в бабки (о детях), теплиться (о свечах), переминаться (о мужиках и бабах), неметь (о теле), везти (царевича), затечь (о руках)
§18.5. Начало	
10: впервые, первый (ком, звон)2; первенец; возблестать (о куполах), взгреметь (о колоколах), засветить (свечу), завидеть, поехать, побрести	1: заворковать
§18.6. Конец	
6: наконец, наконец-то; прикончить (озорство), отцарствовать, отплатить, оттореть	
§18.7. Состояния	
6: позорить (клеимо позорит плечи); сон VS бессонный, болеть; ~ сон (посмертное существование) 2; (не) надобно	2: чернеть (о дали), просвечивать (о соборах)
§18.8. Фоновые состояния / действия	
11: [состояние] уставший (от врагов и друзей); исполнен (двух сил) [X, сделанный Y-ом] отвергнутый (Петром, тобой) 2, вытертый (от поцелуев пол); нацупавший (двойника нацупавший двойник); остуженный (чужими пятаками, о глазах); оставленный (Москва)	7: [состояние] ~пьяный (смутой, о воздухе) [X, сделанный Y-ом] укрепленный (с укрепленного архангелами вала) [сделанный X – без указания на субъект действия, с акцентом на результате] оставленный (в печи, о хлебе); связанный

[действия X-a] реющий (голубок), поющий (Бого) крестясь	(руки), прикрытый (рогожей, о розвальнях), ~ спрятанный (в кувшине, об огне), запечатанный (собор)
§19. ПРИЗНАКИ, КАЧЕСТВА, СВОЙСТВА	
79 словоупотреблений (13%)	37 словоупотреблений (14%)
§19.1. Соотнесенность с чем-либо	
8: московский 2, подмосковный, русский, чужеземный; соседний; первый; каторжный	8: московский, русский 5, итальянский; девический
§19.2 Приметы, качества, свойства	
57: колокольный 6; привольный, огромный, узкий; бездомный; мирный; нерукотворный; святой (свят вид, святая Пасха), смиренный; молодой 2; червонный 3, багряный, красный, золотой, златоголовый, черный, смуглый; мертвый; субботний; древний; новопреставленный; подвижный; ~странноприимный (дом); страшный (страшен рев ... солдат); горький, нежный, печальный; громкий, гремучий, песенный; жаркий (сон); жаркий (кисть рябины); невесомый; странный; бессонный; разгарчивый (мой рот разгарчив); чужой; легкий; вольный; себялюбивый, одинокий; привычный; радостно, жарко, растерянно, тихо; звездный; уступчивость (речи русской)	23: каменный 2, меховой, глиняный; высокий, огромный; пятиглавый, округленный; нежный 2; черный, зеленый, рыжий; дремучий; безязыкий; роковой; знакомый; ~восковой (?); худой, злой; сырой (сырая даль); шаткий („мир“); дивно
§19.3. Оценка	
5: лучше; прекрасный 3; несравненный; дивный	4: райский, чудный, дивный
§19.4. Степень, интенсивность признака	
5: как (+ предложение) 3, какой (+ прилаг.); крепче (позаткни мне рот), зверский (рев), жаркий (сон), жарко (целовать) [синтаксические новаторы] и любила же, любила же; смысляет и смысляет имена	3: шаткий („мир“), дремучий (лес); страшно (нмееет страшно тело)
§20. Эстетика	
3: лучший (бремя); прекрасный 2 (юас, плат)	1: красота
§21. ЭТИКА	
7: зло (Pl.); позорить; клеймо vs.; благообразие 2, хвала, удостоиться	
§22. СОЗДАНИЕ, ТВОРЧЕСТВО	
3: песенный, вдохновенный, нерукотворный	1: укрепленный (архангелами вал)
§23. УНИЧТОЖЕНИЕ, ИСЧЕЗНОВЕНИЕ	
5: вытертый (от поцелуев пол), смысляет (имена) 2, больше нет, оставленный (Москва)	1: исчезнуть
§24. АБСТРАКТНЫЕ И ЛОГИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ	
73 словоупотребление (12%)	29 словоупотреблений (11%)
§24.1. Вместе vs. раздельно	
14: и 8, да; потечь, валить, сброд, народ vs. одинокий	8: и 5; народ vs. разногласия, свой
§24.2. Сравнение, подобие	
6: как 3; двойник 2, тоже	5: как 2, как бы; Флоренция, в (Москве)
§24.3. Отрицание	
13: не 8, нет, ничего 2, ничто; бездомный,	5: не 2; без; безязыкий

бессонный; невесомый, неоспоримо, несравненный, нерукотворный	
§24.4. Полнота охвата	
18: весь (Москва, семихолмие, московский сброд) 3, все (церкви 2) 3, все (мы все); всякий (болезнь), всяк; целый (сорок сороков церквей); хватить (Сколько хватит рук – о Москве и ее облаках, куполах); исходить; исполненный (сил); позаткни (рот)	4: весь (о соборе), все (церкви), повсюду VS. едва
§24.5. Количество	
16: сколько, счет (всех счетом – сорок сороков); сорок сороков (церквей, колоколен) 4; семь (холмов, ~колоколов 2) 3, семихолмие 2; пятисоборный; сотня (Pl.) (колоколов); первый (звон, ком) 2; по + Дат. (по церковке)	6: один; три 3; четыре; пятиглавый (московские соборы)
§24.6. Причинно-следственные связи	
6: от 3 (вытертый от поцелуев пол, уставший от ...), на 2 (каторжные клейма, на всякую болезнь), на (возразить на ... поцелун)	1: от (сырая даль от птичьих стай чернела)

Таблица 2.

Общая лексика – 70 лексем	
Цветаева – 393 лексемы Всего: 18%	Мандельштам – 197 лексем Всего: 36%
Лексические повторы – 39 лексем	
10%	20%
Лексические переклички – 31 лексем	
8%:	16%:
пятисоборный несравненный круг златоголовый пятисоборный круг страшен (Спасские) ворота / плетень поехать тьма печка печальный мирный монашки град / город голубок дивный царь церковь потекут (как монашки потекут к обедне) (чтобы ... не) было (произойти') зори пламя сад прекрасный проступит роща адилиуй (лется на поля)	пятиглавые московские соборы пятиглавый собор округленный страшно ворота ехать темно печь печаль „мир“ черница город голуби Не диво ль дивное, что... царевич собор / церковь затекли (и связанные руки затекли) (не) бывать (произойти') Аврора огонь вертоград красота проспечивает лес (православные) крюки (пост черница)

воровской окутал младенец, первенец, молодой с головы до пят	разбойник прикрытый (рогожей), связанные (руки) дети тело
---	--

Таблица 3.

1. Иноязычные слова	
1: [др.-евр., др.-греч.] аллилуйя	5: [др.-греч.] архангелы, амфоры, акрополь; [латинский] Флоренция, Аврора
2. Историзмы	
7: Русь, боярыня; сорок сороков 4 (церквей), сурьмить (брови)	2: (православные) крюки, розвальни
3. Высокий стиль (архаизмы, книжная лексика)	
14: град 3, покров; Нечаянная Радости; вознести, возблещут, взгремят; исполнен (сил); доныне; гордыня, лик; завидеть; златоголовый	5: вертоград; печаль (меня) снедала по ~ Дат.; черница; смута; озирать; лик
4. Народно-песенный стиль	
5: (Спасские) ворота, чужеземный [синтаксические повторы] в... в 2; по ... по; устав от ... от; и любила же, любила же я ...	1: [figura etimologica] не диво ль дивнос
5. Разговорный и сниженно-разговорный стиль	
17: церковка, деревцо, шажок, дверца, голубки // монашки поп; прикончи (озорство), позаткни (мне рот); нонче, всяк, болесть, разгарчив (мой рот); вгонит в краску; (народ) валит; да (.и); даром что	1: церковка

Таблица 4. Грамматические времена

М. Цветаева

Вне времени	Дейктические времена 50 (40%) (продолженные – 12 VS фактические – 35, в 3 р. больше)			Относительные времена (предшест- зование, следование, одновременность)	Модальность 15 (12%)	
	Буд. 30	Наст. 9	Прош. 11		Повел. 12	Инфин. 3
24 (19%)				20 (16%)		

О. Мандельштам

Вне времени	Дейктические времена 22 (45%) (продолженные – 10 VS фактические – 5, в 2 р. меньше)			Относительные времена (предшест- зование, следование, одновременность)	Модальность 1	
	Буд. 1	Наст. 9	Прош. 12		Повел.	Инфин. и др. констр. 1
19(39%)				8 (16%)		